

откланялся. — «Прощайте-съ, мы близко здѣсь живемъ другъ возлѣ друга-съ», — и опять принужденно судорожное хи-хи-хи! Такъ кончилось свиданіе съ провидѣніемъ Севастополя. Чтó же это такое? Пуфъ, или правда? Чтó значить это уединеніе, это притворное спартанство? Къ чему жить въ лачугѣ и хвастаться еще этимъ, когда можно бы было жить и въ городѣ, и въ батареѣ, гдѣ мы теперь живемъ. Чтó значить это смиреніе, эта тихая, прерывистая рѣчь. По дорогѣ въ Севастополь я познакомился съ двумя партіями; одна укоряетъ главнокомандующаго, что онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на административную часть, имѣя въ виду только стратегическую; къ другой принадлежитъ именно Апраксинъ, который называетъ себя дуракомъ за то, что онъ, оставивъ жену и дѣтей, вступилъ опять въ службу и оконтуженный возвращался во-свояси. Апраксинъ, — какъ кажется, добрый и честный человекъ, — утверждалъ, что геній Меншикова втайнѣ приготавливаетъ огромные планы, что это великій полководецъ, знающій всѣ глубины человѣческаго сердца, что онъ одинъ можетъ спасти Севастополь и что безъ него все потеряно. Пріѣхавъ въ Севастополь, я, за исключеніемъ д-ра Таубе, который *volens volens* долженъ все хвалить въ своемъ пациентѣ, кромѣ его привязанности къ Радемахеру, Распалю и атомистикѣ, узналъ только одну партію — ненавистни-

ковъ, къ которой незамѣтно перешелъ и самъ, посѣтивъ Бахчисарайскій и Севастопольскій военнопольные госпитали. Главная квартира тихая и безмолвная, какъ могила; это уже, что ни говори, не по-русски, да и къ чему. Людямъ, у которыхъ жизнь на волоскѣ, скучать вредно. Беззаботность объ участи солдатъ (которыхъ онъ, говоря, ругаетъ напропалую) и явственное пренебреженіе ко всему, что грѣетъ и живитъ, не можетъ привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующій ни разу не пришелъ въ госпиталь къ солдатамъ, ни разу не сказалъ радушнаго слова тѣмъ, которые легли на - смерть? Я видѣлъ на Кавказѣ, что Воронцовъ приходилъ самъ къ раненымъ, раздавалъ имъ деньги, награды, а Меншиковъ, пріѣхавъ только однажды въ госпиталь къ генералу Вильбуа, не пришелъ взглянуть, какъ лежали на нарахъ сученные, заморенные, полусгнившіе легіоны, высланные на-смерть. Время покажетъ, что такое Меншиковъ, какъ полководецъ. Но если онъ и защититъ Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Онъ не можетъ и не хочетъ сочувствовать солдату, онъ плохой Цезарь. Онъ хочетъ свои недостатки прикрыть мистическимъ молчаніемъ и притворнымъ спартанствомъ, но врядъ ли многихъ надуетъ. Дай Богъ, чтобы все это было неправда, чтобы Меншиковъ сдѣлался дѣйствительно великимъ

лицомъ въ исторіи, я этого ему отъ души желаю потому, что желаю видѣть Севастополь въ нашихъ рукахъ; но то вѣрно: солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ. Въ двухъ комнатахъ, отведенныхъ намъ въ батарее, насъ помѣстилось четверо, а потомъ черезъ 9 дней пріѣхало еще четверо врачей, и они всѣ помѣстились тутъ же; отъ этого наша квартира сдѣлалась похожею на нижегородскую ярмарку. Поутру мы всѣ выѣзжаемъ гуртомъ на казацкихъ лошадяхъ, прикомандированныхъ намъ начальникомъ Штаба, вечеромъ собираемся вмѣстѣ. Двѣнадцать дней въ Севастополѣ прошли одинъ какъ другой; только 3 раза удалось мнѣ побывать въ самомъ городѣ, переѣхавъ на яликѣ Нахимова; два раза я былъ въ Дворянскомъ Собраніи, въ которомъ теперь устроенъ перевязочный пунктъ; до этого дома до сихъ поръ еще не долетали непріятельскія ядра, но когда мы посѣщали другой перевязочный пунктъ, находящійся вмѣстѣ съ временнымъ госпиталемъ въ казармахъ около морского госпиталя, то въ бухтѣ показался нашъ пароходъ, и въ то же самое мгновеніе пролетѣло мимо насъ въ почтительномъ разстояніи ядро съ англійской батареи и упало въ воду саженьяхъ въ 10 отъ парохода. Изъ этихъ казармъ видны непріятельскія батареи, разсѣянные на возвышеніяхъ южной стороны города. Онѣ выстро-

ены на крутой горѣ, на которую надобно подниматься пѣшкомъ и не безъ труда по скользкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горѣ, очищенъ отъ больныхъ: въ него во время бомбардированія, несмотря на выкинутый красный флагъ, летали бомбы, изъ которыхъ одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не сдѣлала вреда. Рассказываютъ, какъ любопытный фактъ, что во время переноски больныхъ падавшія на дворъ бомбы не повредили ни одного больного и ни одного служителя, зато въ перевязочномъ пунктѣ, который устроили-было насупротивъ госпиталя въ домѣ Унтена, одна бомба влетѣла черезъ крышу въ комнату, гдѣ дѣлали операціи, и оторвала у оперированнаго обѣ руки.

Примѣчаніе. Это письмо писалось отрывками, почему числа и мѣсяцы относятся къ описываемымъ событіямъ.

24 ноября. Севастополь.

Бду сегодня въ Симферополь дня на 4, посмотрѣть на госпиталь и узнать о сестрахъ милосердія, которыя должны на дняхъ явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моихъ двухъ писемъ съ дороги изъ Харькова и Екатеринослава? Въ Харьковѣ я отдалъ съ рукъ на руки

станціонному смотрителю, въ Екатеринославѣ отослалъ на почту — оба въ казенныхъ конвертахъ. Всѣ твои письма до шестого отъ 13 ноября получилъ, вижу, что ты не совсѣмъ благоразумно переносишь разлуку. Господь съ тобою, утѣшься: вѣдь ты хорошо знаешь, что съ тобою ли, безъ тебя ли, я все-таки тебя люблю больше всего на свѣтѣ, такъ о чемъ же грустить, положишь на волю Божию и будь спокойна, а тамъ посмотримъ, Богъ не оставитъ. Любя меня, радуйся, что я могу принести свою лепту дорогой родинѣ въ такую страшную годину испытанія. Говорятъ, что они скоро будутъ бомбардировать, тогда и развязка будетъ скорая; другіе же говорятъ, что будутъ зимовать и ждать для этого весны. Тогда мнѣ пока здѣсь оставаться будетъ незачѣмъ, и я, разумѣется, медлить не буду, чтобы утѣшить тебя, но, какъ ты видишь, ничего не извѣстно, здѣсь такъ же мало знаютъ, какъ и въ Петербургѣ.

Я сталъ писать журналъ моей экспедиціи и посылаю тебѣ его листками. Тому, кто поинтересуется, на примѣръ, Николай Федоровичъ Здекауеръ, Глазенапъ, можешь дать прочесть. Тебѣ же скажу, что я едва управляюсь съ дѣломъ и возвращаюсь вечеромъ усталый и потому могу писать только отрывками. Покуда здѣсь продолжаетъ быть спокойно, отъ времени до времени слышится канонада,

особливо ночью, но ядра до насъ не долетаютъ, а много-много если падаютъ въ бухту. Матросы и солдаты убѣждены, что Севастополь не будетъ взятъ, но все покрыто мракомъ неизвѣстности, а только извѣстно и очевидно, что раненые валяются безъ призрѣнія и долго-долго нужно хлопотать, чтобы какъ-нибудь привести ихъ въ положеніе маломальски сносное.

Я въ Симферополѣ оставляю мой чемоданъ и все тяжелое, останусь тамъ дней 5, а можетъ быть и больше.

Поцѣлуй же и обними дѣтей, прощай, моя дорогая, не грусти ради Бога, а то ты и на меня грусть наведешь, а покуда я доволенъ хотя тѣмъ, что моя поѣздка не безъ пользы. Всѣ четыре врача прибыли, и мы, 8 человѣкъ, живемъ пока вмѣстѣ въ 2-хъ комнатахъ.

Твой

29 ноября.

У меня готово продолженіе моего журнала, но я его тебѣ не посылаю теперь: прочитавъ написанное, я самъ испугался, что уже слишкомъ много сказалъ правды. Послѣ при удобномъ случаѣ ты получишь его.

Вотъ тебѣ пока описаніе 12-дневной моей жизни въ Севастополѣ отъ прибытія до поѣздки въ Симферополь.

Симферополь. 29 ноября.

Поутру въ 7 часовъ замѣчается въ нашей квартирѣ необыкновенное движеніе. Все суетится. Представь себѣ пять молодыхъ людей, встающихъ въ одно время съ полу въ комнатѣ, въ которой отъ чемодановъ и ящиковъ повернуться негдѣ. Всякій ищетъ тамъ и то, гдѣ онъ никогда и ничего не клалъ. Фельдшера бѣгаютъ изъ одной комнаты въ другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь свѣжею водою, напяливаю сверхъ панталонъ большіе мужицкіе сапоги, купленные въ Екатеринославѣ и ежедневно питаемые саломъ, надѣваю мой длиннополый сюртукъ, уже порядочно пропитанный разными животными началами, отъ которыхъ ограждаюсь болѣе или менѣе кавказскимъ краснымъ шелковымъ бѣльемъ, и сажусь пить кофе, иногда съ молокомъ, а иногда и безъ молока, закусываю хлѣбомъ, не имѣющимъ никакого притязанія называться мягкимъ. Въ 9 часу крымскій казакъ приводитъ четверку верховыхъ клячъ; я надѣваю солдатскую шинель, купленную здѣсь у одного солдата и перешитую придворнымъ портнымъ, мундирную фуражку, взятую напрокатъ у Обермюллера, и сажусь на лошадь. Эта шинель имѣетъ неоспоримыя выгоды въ Севастополѣ уже потому, что она какъ-то подѣ

цвѣтъ съ грязью. Цѣлая кавалькада отправляется въ госпитали, расположенные за полъ-версты отъ насъ, въ такъ называемые бараки, бывшія матросскія казармы.

На кроватяхъ лежатъ вонючіе раненые, но большая часть на нарахъ. Матрацы, пропитанные гноемъ и кровью, остаются дня по 4 и 5 подъ больными, по недостатку бѣлья и соломы. Обыкновенно слышишь утѣшеніе, что послѣ 24 октября хуже было. Въ 10 часу начинается перевязка и продолжается до 2 и 3 часовъ. Въ 3 часа сносятся тѣ раненые, которымъ необходима операція, по 10 — 12 въ день, и продолжается пока стемнѣетъ, слѣдовательно почти до 6 часовъ. При перевязкѣ можно видѣть ежедневно трехъ или четырехъ женщинъ, изъ нихъ одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лѣтъ 17 дѣвушка, и одна жена солдата. Кромѣ этихъ, я встрѣчаю иногда еще одну даму среднихъ лѣтъ, въ вуаляхъ и съ папирской въ зубахъ. Это жена какого-то моряка, кажется, приходитъ раздавать свой или другими пожертвованный чай. Дарья теперь является съ медалью на груди, полученною отъ Государя, который велѣлъ ее поцѣловать Великимъ Князьямъ, подарилъ ей 500 рублей и приказалъ выдать ей еще 1000 руб., когда выйдетъ замужъ. Она молодая женщина, недурна собою и, какъ кажется, легкаго десятка. Подъ Альмой она приносила

бѣлье, отданное ей для стирки, и здѣсь въ первый разъ обнаружилась ея благородная наклонность помогать раненымъ. Она ассистируетъ и при операціяхъ. На дняхъ я роздалъ по рукамъ по осьмушкѣ чаю и по фунту сахару на каждого больного изъ жертвованныхъ суммъ, купилъ чайниковъ и вина. Женщины при насъ во время перевязки поятъ больныхъ чаемъ и раздаютъ по стакану вина. Отдѣлавшись въ госпиталь, мы тѣмъ же порядкомъ отправляемся въ нашъ казематъ и садимся обѣдать, немного пообщившись. Обѣдъ приготовляетъ солдатъ, госпитальный поваръ. Два кушанья: борщъ или супъ и бифтексъ, составляютъ спеціальность этого повара; за другое онъ не берется, но эти блюда онъ изготавляетъ не безъ шика. Кайэнъ и пикули, отпущенные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. за бутылку не худо. Иногда послѣ обѣда засыпаю, иногда играю въ шахматы, привезенные д-ромъ Каде въ видѣ сюрприза. Около 8 часовъ кто-нибудь обыкновенно является для компаніи. Передъ сномъ вытираюсь спиртомъ и потомъ засыпаю, но бываю неоднократно пробужденъ кусаньемъ блохъ. Такъ проходитъ регулярно день за днемъ. Такъ прошли 10 дней. Въ это время я былъ и въ городѣ 3 раза. Не пугайся, нѣтъ тутъ ничего страшнаго. Когда я былъ на другой сторонѣ бухты въ госпиталь, то одно ядро прожужжало по бухтѣ

саженяхъ въ 30 отъ парохода, который показался на одномъ ея концѣ. Вотъ все, что до сихъ поръ я видѣлъ или, лучше, слышалъ изъ ядеръ. Правда, всякій день, особливо къ вечеру, слышна нѣсколько времени канонада. Наши препятствуютъ ихъ работамъ, они отстрѣливаются, но ничего серьезнаго не выходитъ. Дѣлаютъ также ночью вылазки небольшія въ ихъ траншеи.

Жизнь, которую я веду, не позволяетъ скучать и потому мнѣ не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни дѣтей. Мыслей другихъ нѣтъ, и быть не можетъ, какъ о раненыхъ, засыпаешь, видя все раны во снѣ, пробуждаешься съ тѣмъ же. Читать и писать времени нѣтъ. Обермюллеръ завѣдуетъ письменною частью, онъ ведетъ замѣтки и составляетъ описи раненыхъ, которые подвергались операціямъ или почему-либо замѣчательны.

Встрѣчу съ главнокомандующимъ я описалъ, но пришлю послѣ. Пробывъ 12 дней въ Севастополѣ, я успѣлъ въ это время распредѣлить больныхъ по отдѣленіямъ, отдѣлить нечистыя раны отъ чистыхъ и оперировать почти всѣхъ запущенныхъ съ 24 октября. Кончивъ это, я отправился 25 ноябрю въ Симферополь, не предвидя покуда никакого важнаго событія, хотя вранья было довольно, но все основанное на однихъ слухахъ и показаніяхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ. Эти бѣглецы большею частью нѣмцы и испанцы изъ